

УДК 168.522

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-348-356

Зарождение ориенталистского дискурса русофобии

Монина Н.П.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

monijulia@yandex.ru

Аннотация. Русофобская идеология, определяющая сегодняшнюю политику Запада по отношению к России, имеет длительную историю и является сложным феноменом. Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных данной теме, отдельного исследования, отражающего восприятие Западом России как части восточной ойкумены, варварского мира, не проводилось. Целью данного исследования является выявление истоков ориенталистского дискурса русофобии. В данной работе освещены религиозные и исторические факторы, послужившие основой для ориентализации образа России европейским сознанием. Последствием исключения России из единого европейского христианского мира и отнесение ее к Востоку становится трансформации ее восприятия: Россия с конца XV века начинает трактоваться не просто как Другой, а как Чужой. Полученные результаты дополняют имеющиеся исследования по русофобии и расширяют спектр исследовательских направлений данного феномена.

Ключевые слова: русофобия, Россия, Европа, Запад, ориенталистский дискурс, Восток, Другой, Чужой, варвар, цивилизация

Для цитирования: Монина Н.П. 2024. Зарождение ориенталистского дискурса русофобии. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 348–356. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-348-356

The Origin of the Orientalist Discourse of Russophobia

Natalya P. Monina

Dostoevsky Omsk State University
55-A Mira Prospect, Omsk 644077, Russian Federation

monijulia@yandex.ru

Abstract. The Russophobic ideology articulated by many Western countries today actualizes the question of the essence and origins of this phenomenon. This topic becomes an object of study for representatives of the humanities. Due to the fact that Russophobia has not been sufficiently studied, the problem in this formulation has not received sufficient coverage in the scientific literature. The purpose of this study is to identify the origins of the orientalist discourse of Russophobia. As a result of the study, the factors that contributed to the West's perception of Russia as part of the eastern ecumene, the barbaric world, were identified. Having been baptized by Byzantium, Russia begins to be characterized in the minds of Europeans as a country of schismatics and apostates and, consequently, is being pushed beyond the borders of Europe. Historical factors, primarily related to long-term dependence on the Horde, also contributed to the orientalizing of the image of Russia in the European consciousness. The displacement of Russia from the single European Christian space and its localization in the East leads to a transformation of its perception. If until the middle of the XV century Russia was perceived by the West as Different, then by the end of the XV century it was treated as a Stranger. The results obtained complement the existing research on Russophobia and expand the range of research areas of this phenomenon.

Keywords: Russophobia, Russia, Europe, West, orientalist discourse, East, Different, Stranger, barbarian, civilization

For citation: Monina N.P. 2024. The Origin of the Orientalist Discourse of Russophobia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 348–356 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-348-356

Введение

Самосознание и самоидентификация любой цивилизации строится на фундаменте сравнения себя с Иным, Другим, а познание ею себя происходит в горизонте со-бытия-с-другими. Изначально западноевропейское и восточноевропейское пространства принадлежали к целостному *Corpus Christianum*, христианскому миру, но последующая Великая схизма положила конец христианскому единству. Как верно замечает А. Джаннотти, «разделение церкви на римско-католическую на Западе и православную на Востоке предопределило два отдельных пути развития не только религиозного, но социального и правового» [Джаннотти, 2021, с. 163], что в итоге способствовало разным вариантам оформления цивилизационной и аксиологической матрицы. Обусловленный этим фактом взаимный познавательный интерес и особые отношения в системе межкультурной коммуникации формируют дихотомию Европа – Россия. В данном контексте можно сказать, что Европа (шире – Запад) и Россия являются друг для друга Другими, через попытку понимания которых выстраивается и трактуется собственная идентичность. При этом следует отметить, что история их взаимоотношений в различные исторические периоды складывалась по-разному. Однако тема Европы становится одной из доминирующих в русской общественно-философской мысли, а осмысление России занимает важное место в интеллектуальной жизни Запада, что обуславливается среди прочего и внутренней европейской и российской дискурсивной практикой. Мыслители с обеих сторон фиксируют существующие различия и противоречия двух цивилизаций, выявляя их истоки и просчитывая последствия.

Скрытый антагонизм русской и западной цивилизаций, перманентно проявляющийся в обострении конфликтных противоречий, сегодня взорвался открытым противостоянием между Россией и коалицией европейских стран во главе с США, вызванным конфликтом на Украине. Специальная военная операция, поставившая целью демилитаризацию и денацификацию Украины, обнажила давно, казалось бы, забытые идеологические штампы и образы, бытовавшие в западной культуре в отношении России. Речь идет в том числе и о множественных проявлениях русофобии.

Традиционно считается, что сам термин «руссофобия» вводится в оборот в XIX веке Ф.И. Тютчевым в одном из его писем, однако как явление руссофобия возникает задолго до его терминологического оформления. В данном контексте она трактуется как некий механизм конкурентной борьбы, отражающий архетипические установки западной культурной традиции. Вопрос о том, является ли Россия Европой, релевантен не только для отечественной философско-культурологической мысли, но и для западной, выстраивающей свое самоопределение через призму соотнесения с Россией. Одна из причин этого, как отмечает И. Нойманом, состоит в том, что русские трактуются как лиминарный случай европейской идентичности [Нойманн, 2004]. Таким образом, европейцы, выстраивая дискурс о принадлежности или непринадлежности России к европейскому пространству, формировали представление и о том, что есть Я, о собственной идентичности.

Идеология руссофобии, в основе которой лежит, говоря словами Ф.И. Тютчева, «пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение... против России» [Тютчев, 1999, с. 191], в современных условиях реализуется не только в желании и стремлении очернить все, что принято называть Русским миром, все, что в большей или в меньшей степени

принадлежит пространству русской культуры, но зачастую и в желании физически уничтожить сам Русский мир.

Современные исследователи, например В.Э. Багдасарян [2016], предлагают ввести в научный оборот термин «россиефобия» вместо уже устоявшегося понятия «руссофобия», считая, что это в полной мере отразит искажение исторического образа России как государства со стороны ее противников, в первую очередь среди европейских стран. Определенная логика в этом, несомненно, есть, однако мы наряду с другим исследователями, среди которых В. Гуторов и А. Ширинянц [2023], считаем, что использование термина «россиефобия» исключает из рассмотрения весьма важный аспект. При такой трактовке фобийные настроения направлены исключительно на государство, нивелируя отрицательные коннотации, приписываемые руссофобами русскому народу как носителю определенных качеств, характера, ценностей, а именно это, на наш взгляд, составляет ядро руссофобской идеологии. В первую очередь – фобии и ненависть к русскому народу, а только во вторую – ко всему, что он создает, будь то государство или культура. И последние события, связанные с cancel culture после начала специальной военной операции, свидетельствуют об этом.

В чем истоки и причины столь явной ненависти и фобии по отношению к русским и России? Ответу на этот вопрос посвящены многие работы современных отечественных исследователей. Широкий исторический экскурс развития руссофобии представлен в работах С.Г. Кара-Мурзы [2015], О.Б. Неменского [2013; 2014]. Н.П. Танышина [2023] анализирует представления о России и русских, нашедшее отражение в записках о путешествиях, журнальных статьях, памфлетах, научных сочинениях европейских авторов. И.Р. Шафаревич [2005] рассматривает содержание и основные руссофобские тезисы на основе анализа литературных источников. В последнее время отмечается интерес к данной проблематике и среди западных исследователей, в частности упомянем монографию Роберто Валле «Генеалогия руссофобии. Кюстин, Донозо Кортес и русский деспотизм», вышедшую в Риме в 2012 г. (к сожалению, не переведена на русский язык) [Valle, 2012] и книгу швейцарского публициста Ги Меттана «Запад – Россия: тысячелетняя война» [Mettan, 2016], в которой, на основе анализа развития западной руссофобии, рассматриваются современные ее проявления. Также автор осмысливает антирусские образы и мифы, сформировавшиеся в европейской культуре и остающимися актуальными и сегодня.

Вышеназванные труды посвящены комплексному рассмотрению руссофобии, выявлению ее сущностных черт и характеристик, анализу специфики ее проявления в работах отдельных мыслителей, историческому развитию данного феномена. Одним из компонентов руссофобской концепции исследователи считают взгляд на Россию как на часть восточного мира, нецивилизованного и варварского. Однако данная тема не нашла широкого отражения в научной литературе. На наш взгляд, изучение этого аспекта проблемы актуально и может способствовать более глубокому пониманию руссофобии.

Целью данного исследования является выявление истоков зарождения ориенталистского дискурса руссофобии.

Решение задач исследования предполагает использование общенаучных методов и методов культурно-исторического анализа.

Роль религии в формировании ориенталистского дискурса руссофобии

Руссофобская концепция – целостная идеологическая система, включающая комплекс идеологем, фиксирующих сущность и особенности проявления данной фобии. Различные грани руссофобского дискурса включают два основных направления: так называемое генетическое, предполагающее наличие специфических характеристик русских как носителей определенных негативных качеств и свойств, и историческое – считающее главной проблемой России ее историю, специфику исторического развития. Неменский

О.Б., анализируя качества, приписываемые русскому народу в различных русофобских трактатах, отмечает среди прочего такие его составляющие, как неспособность к самоуправлению, рабскую природу русского народа, расовую неполноценность славян, возложение на русских комплексной вины (за схизму, за сопротивление цивилизации и т.п.) [Неменский, 2014].

В центре внимания нашей работы – зарождение в недрах русофобского мифа образа России как восточной, азиатской страны.

Отношение к России как к не-Западу имеет длительную историю и глубокие корни, причем в различные периоды это отношение претерпевало достаточно существенные трансформации, отражая актуальные тренды международных отношений в контексте дихотомии Запад – Россия. А.П. Цыганков в своей работе отмечает, что русофобия есть «страх перед политической системой России, которая представляется несовместимой с интересами и ценностями Запада...» [Tsygankov, 2009, p. 14]

В качестве отправной точки отметим верно, на наш взгляд, сформулированное М.Д. Напсо замечание о том, что «корни русофобии находятся в противопоставлении Запада и Востока, в доведении того, что их отличает, до предела, в невозможности и нежелании их примирения по причине разности культур, ценностей, менталитета» [Напсо, 2022, с. 59], при этом однозначно негативные характеристики приписываются Востоку, Запад же является обладателем исключительно положительных начал. Об этой идее «европейской идентичности как превосходной по отношению ко всем неевропейским народам и культурам» говорил в свое время Э. Саид [2021, с. 27].

В качестве одной из предпосылок формирования русофобии как феномена европейского сознания выступает, по мнению исследователей [Неменский, 2013; Неменский, 2014; Кара-Мурза, 2015; Mettan, 2016; Багдасарян, 2022], ненависть к восточному христианству, к Византии как православной империи, а позже, соответственно, и к России как к «третьему Риму», продолжающему традиции Восточной Римской империи.

Следует отметить, однако, что еще в эпоху античности, являющейся базисом европейской цивилизации, сформировалось представление о двух ойкуменах – эллинской и варварской, имеющей и достаточно четкие географические границы – реку Танаис и Рифейские горы, отделяющие по представлениям древних греков Европу от Азии. Как отмечает в своей работе историк А.И. Филюшкин, «античные авторы были уверены, что данные пространства населяют многочисленные варварские народы, у которых нет ни единого предводителя, ни общего государства. Собирательным названием для них было «скифы» или «сарматы» [Филюшкин, 2013, с. 303]. Позже славяне, заселявшие эти территории, стали восприниматься Западом как скифы, варвары, Восток. Эллинское мировоззрение оформило и идею неравенства, имеющую различные, в том числе и внешние проявления. Ключевым тезисом в данном контексте было превосходство эллинов над варварами. К варварам относились все неэллинские народы. Сами эллины идентифицировали себя как проявление космического, гармонического порядка, в то время как варвары – суть отражение хаоса, беспорядка и дисгармонии, «приписываемые им... черты – бескультурье, грубость, невежество, неправильная социальная и политическая организация – являлись... природными качествами варварского мира» [Багдасарян, 2022, с. 61-62]. Древнеримская традиция дополнила древнегреческую концепцию антропологического неравенства идеей мировой империи и мирового господства с соответствующими идейно-ценностными ориентирами, утверждающими верность и необходимость проведения экспансионистской политики, обеспечивающей Риму статус мирового царства, мировой империи.

Эпоха раннего Средневековья привела к формированию концептов *Orientalis et Occidentalis*, визуализировавших раскол римского мира на Западную и Восточную империи. После великой схизмы 1054 года это разделение приобрело и религиозную коннотацию. Русь, географически располагаясь в восточной ойкумене, приняв

християнство от Константинополя, подтвердила свою принадлежность к миру Востока. Европейский дискурс того времени определял греческую веру как неправильную, неверную, ее носители именно за свои прегрешения и были наказаны. Православие стало считаться на Западе языческой ересью, а славяне воспринимались как религиозные отступники, их образ сливался с исламским, восточным миром и воспринимался как секта. Более того, стереотипы, ранее относившиеся к Восточной Римской империи, пренебрежительно, дабы принизить ее значимость, называемой на Западе Византией, переносятся на русское государство. Восток (Византия, Русь, а позже – Россия) в средневековой и возрожденческой картине мира, как свидетельствует Ги Меттан, воспринимается как нечто непонятное, недоразвитое, жестокое полуварварское [Меттан, 2016]. Однако практически сразу после церковного раскола при Папе Григории VII со стороны Запада явно наблюдаются тренды на господство в Европе и стремление к универсализму, реализующиеся в *Drang nach Osten* – натиске на Восток.

Исторический фон зарождения ориенталистского дискурса русофобии

Важным фактором, «подтверждавшим» азиатскость и восточный характер русских, становится длительная зависимость от Орды. Западом в тот период времени вся территория за восточными границами Европы воспринималась как мрачное, темное татарское царство, страшное государство, состоящее «практически полностью из диких кочевников, скитающих по степям со своими чумами и скарбом» [Раппопорт, 2019, с. 440]. Русские княжества, ведущие борьбу с монголо-татарами, на длительный период исчезают из поля зрения европейцев, они, по сути, как бы растворяются в бескрайней азиатской империи, теряются в небытии. Именно тогда возникают представления о Тартарии – далеком, бескрайнем и зловещем царстве диких кочевников. Как отмечают историки, примерно «с XIV в. на Западе в отношении Востока нарастает ксенофобия и определение его как принципиального врага "христианского мира", источника физической угрозы» [Филюшкин, 2013, с. 300]. Русь, включенная в это пространство, несет на себе все негативные коннотации, приписываемые азиатам.

Явная антитеза Запад-Восток формирует непримиримое отношение и нежелание понять и принять идейно-ценностные установки Другого, Восток вытесняется за границы «цивилизованного мира», его аксиологические установки объявляются чуждыми и не имеющими права на существование. Как известно, границы Европы, «христианского мира», были очерчены римским папой Пием II в середине XV века и включали в себя Германию, Францию, Англию, Италию, Испанию, Венгрию и Польшу.

Еще большее неприятие Руси в рамках западного сознания происходит после таинственного и непонятного для европейского обывателя освобождения от ордынского владычества, существенного укрепления и усиления русского государства, а позже – и его значительного территориального расширения. Именно с этого момента, на наш взгляд, можно говорить о серьезном переформатировании образа и понимания Руси-России, она более не просто Иной, Другой, а Чужой, – совершенно чуждый западному, европейскому миру субъект истории.

Вообще, следует отметить, что эпоха Возрождения актуализировала античное мировосприятие, разделяющее мир на римский, «цивилизованный», и неримский, «варварский». Соответственно, народы и культуры, принявшие византийскую традицию, автоматически перешли в разряд варваров. И, как отмечает О.Б. Неменским, «весь этот комплекс идей и характеристик применялся к русским землям, и для этого не требовалось личного знакомства, опыта контактов и описаний путешественников... от русских никак не зависело то, что им, как "варварскому" народу "Востока", приписывали все те качества и характеристики, которые в европейской культуре воспринимались негативно. Неправильный мир должен быть плох по определению» [Неменский, 2013, с. 30].

Важным фактором в восприятии Руси, а затем и России, как Чужого, становится неприятие решений Ферраро-Флорентийского собора 1438–1445 гг. и последовавшей за этим унии, после чего московиты окончательно переходят в разряд схизматиков, врагов христианского мира. Падение Константинополя и гибель Византийской империи в 1453 году автоматически переносят негативные коннотации на Москву. Но если, как пишет Г. Меттан [2016], в Европе ходило выражение, суть которого сводится к тому, что Византия была тем явлением, о котором лучше не вспоминать, то молодое русское государство, только вышедшее на международную арену, нужно было ослабить и дискредитировать. Тем более, что провозглашенная иноком Филофеем концепция «Москва – третий Рим», наглядно продемонстрировала преемственные связи с Византией и для Запада же стала маркером для избличения русского империализма, экспансионистских настроений и мессианского стремления захвата Европы. Однако, как отмечено И.Р. Шафаревичем, «эта теория не имела политического аспекта, не толкала Россию к какой-либо экспансии или православному миссионерству» [Шафаревич, 2005, с. 5].

Традиционно считается, что Европа «открыла» Россию в эпоху Ивана III, в конце XV века. Карл Маркс так красочно описал эту ситуацию: «Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь московита» [Маркс, 1989, с. 6].

Московское государство, неожиданно появившееся на восточных границах Европы, воспринималось как таинственный Чужой. Несмотря на то, что в эту эпоху «христианство оставалось доминирующим маркером идентичности» [Нойманн, 2004, с. 108], а слова «европейский» и «христианский» осознавалась практически как синонимы, Московия в эти границы не входила и идентифицировалась как Восток. Европейская история того времени воспринимала Восток как место, откуда приходят орды кочевников, совершаются опустошительные и губительные набеги, а потому внезапно появившееся огромное по западным меркам государство вселяло почти экзистенциальный ужас, чему способствовал также миф об «азиатскости» русских. Им приписывалась та же жестокость, что и туркам, о зверствах московитов складывались легенды. Наиболее ярким примером в данном контексте может служить черный миф об Иване Грозном, который даже изображался в восточных одеждах.

Важным фактором формирования ориенталистского дискурса русофобии становится тот исторический факт, что хронологически появление на мировой исторической арене России совпадает с началом эпохи великих географических открытий. Существенные ментальные изменения, происходящие в европейском сознании в отношении оценки и восприятия Чужого, напрямую отражаются на образе России и русских. Колониальный дискурс, актуализированный европейцами вновь после эпохи античности в связи с открытием Нового Света, дополняет и окончательно формирует смыслогенерирующее ядро западного цивилизационного взгляда на мир. Весь нехристианский мир, любой Другой начинает восприниматься как «младший брат», недоразвитый мир, находящийся на той стадии развития, которую Запад уже давно миновал, а потому стратегия отношения к этому миру одна: христианская миссия и просвещение. Попытки реализации идеи духовного окормительства и учительства направлялись в том числе и на Россию.

Последующие исторические события, в частности Ливонская война 1558–1583 гг., достаточно явно обозначили линию восточного фронта Европы, за которой проживали «православные варвары», упорно сопротивляющиеся принятию католического вероисповедания и заключению унии. Следует отметить, что определенных успехов на этом поприще Запад все-таки достиг, заключив в 1596 году Брестскую унию, по итогам которой часть земель западной Руси ушла под духовное окормление Ватикана. По мнению ряда исследователей [Неменский, 2013; Филюшкин, 2013; Неменский, 2014; Mettan, 2016],

это одно из тех событий, которые в дальнейшем породили такое явление, как русская русофобия, а сегодня нашли отражение в открытом противостоянии России и Запада в ходе украинского кризиса. Однако верность православию и готовность защищать веру отцов еще более утвердили европейцев в сформированном ими образе России как «экзистенциально чуждой и враждебной Западу страны. Страны, в отношении которой возможна только одна стратегия отношений – подчинить, чтобы обезопасить христианский мир» [Неменский, 2013, с. 3]). При этом следует заметить, что Россия определяется Западом не как европейская держава, а как азиатское государство, восточная страна, при этом занимающая не свои, а чужие земли, которые ей не принадлежат. Истинное ее место – «пустыни Сибири». Уже во времена первого противостояния России и Европы, во времена Ливонской войны, на картах Россия вытесняется за границы Европы и изображается как азиатская страна.

Историко-культурный контекст «открытия» России Европой достаточно противоречив. Внутриполитические противоречия Священной Римской Империи, активизация федерализма, нарастание турецкой угрозы и реформационное движение, пошатнувшаяся гегемония, требовали активизации деятельности по реанимации «путем расширения сфер влияния. И восточные соседи были для этого идеальным потенциальным объектом» [Филюшкин, 2013, с. 316], как верно отмечает А.И. Филюшкин. Колониальные практики германского мира, не принимавшего участие в освоении Нового Света, переориентируются на восток Европы, Московское государство становится объектом приложения этого колониального дискурса с миссионерской целью приобщения его к истинно верному католическому вероучению. Однако окончательное избавление от ордынского ига в 1480 году, взятая на вооружение концепция старца Филофея «Москва – третий Рим», венчание на царство Ивана IV Васильевича в 1547 году, демонстрируют иной, альтернативный вариант аксиологической матрицы и способа развития цивилизации. С этого времени Россия начинает восприниматься не только как Чужой, но и как явный противник Священной Римской империи и Запада в целом.

Заклучение

Резюмируя, можно выделить несколько основных факторов, способствовавших формированию ориенталистского дискурса русофобской идеологии. Западная культурная парадигма, начиная с эпохи античности, утверждает бинарное противостояние по принципу: мы – цивилизованная ойкумена, они – варвары. Центрированность на собственной траектории развития цивилизации на Западе становится доминирующим направлением при оценке, осмыслении иных культур и цивилизаций, среди которых наиболее релевантной является Россия. Она выступала в образе Другого в процессе самопознания Запада, имея с ним общие христианские корни. Однако иной вектор развития, выбранный Русью вследствие принятия христианства от Византии, служит онтологической и аксиологической границей между двумя мирами. Ненависть со стороны Запада к восточному христианству формирует и негативное отношение к крупнейшей православной державе своего времени – Восточной Римской империи. Россия, став преемницей Византии и провозгласив концепцию «Москва – третий Рим», ставшую идеологическим основанием зарождающегося государства, воспринимает на себя все негативные коннотации, формирующие ранее византийский дискурс.

Исторический контекст формирования ориенталистского дискурса русофобской идеологии связан с ордынским нашествием и установившемся на Руси игом. Восток в восприятии Запада – кочевой, дикий мир, мир варваров. Стадиально-историческое мышление, свойственное Западу, породило представление о превосходстве собственной культуры, образа жизни, цивилизации, а потому все, что находится вне этого пространства, – примитивное и неразвитое, а значит, нуждающееся в исправлении и просвещении. Именно так Запад смотрел и на Россию, освободившуюся из-под власти

Орды. Именно это время – рубеж, определяющий, на наш взгляд, существенную трансформацию, произошедшую в западной культурной парадигме. Если до второй половины XV века Россия воспринималась как Другой, понятный, онтологическая граница с которым может быть пересечена, то к концу XV века Россия становится Чужим и онтологически, и аксиологически.

Список источников

- Багдасарян В.Э. 2016. Антироссийские исторические мифы. СПб., Питер, 382 с.
Меттан Г. 2016. Запад – Россия: тысячелетняя война. М., Паулсен, 464 с.
Таньшина Н.П. 2023. Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. СПб., Питер, 256 с.
Тютчев Ф.И. 1999. Россия и Запад: книга пророчеств: Статьи, стихи. М., Правосл. Свято-Тихон. богосл. ин-т, 202 с.

Список литературы

- Багдасарян В.Э. 2022. Россия – Запад: цивилизационная война. М., ФОРУМ: ИНФРА-М, 410 с.
Гуторов В.А., Ширинянц А.А. 2023. «Русофобия»: слово и смыслы. *Тетради по консерватизму*, 1: 231-237. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-231-237
Джаннотти А. 2021. Россия и Евразия. Российская идентичность и предвзятость Запада. *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*, 27(2): 154-183. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-154-183 (исправила DOI)
Кара-Мурза С.Г. 2015. Русофобия Запада. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 8(1): 6-14.
Маркс К. 1989. Разоблачение дипломатической истории XVIII века. *Вопросы истории*, 4: 3-19
Напсо М.Д. 2022. Некоторые аспекты проблематики русофобии (часть I). *Вестник Забайкальского государственного университета*, 28(8): 57-62. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-8-57-62
Неменский О.Б. 2013. Русофобия как идеология. *Вопросы национализма*, 1(13): 26-65.
Неменский О.Б. 2014. Русофобия. В кн.: Аналитические обзоры РИСИ. Вып. 5. М., РИСИ, 48с.
Нойманн И. 2004. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., Новое издательство, 336 с.
Раппопорт А.В. 2019. Русофобия как феномен. *Евразийское научное объединение*, 10-5(56): 439-443.
Саид Э. 2021. Ориентализм. М., Музей современного искусства «Гараж», 560 с.
Филошкин А.И. 2013. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 880 с.
Шафаревич И.Р. 2005. Русофобия. М., Эксмо, 94 с.
Tsygankov A.P. 2009. Russophobia Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. New York, 240 p.
Valle R. 2012. Genealogia della russophobia. Custine, Donoso Cortes e dispotismo russo. Roma, Lithos, 175 p.

References

- Bagdasaryan V.E. 2022. Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya voina [Russia – West: Civilizational War]. Moscow, Publ. FORUM: INFRA-M, 410p.
Gutorov V.A., Shirinyants A.A. 2023. «Rusofobiya»: slovo i smysly. ["Russophobia": word and meanings]. *Tetrady po konservatizmu*. 1: 232-237. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-231-237
Giannotti A. 2021. Russia and Eurasia. Russian identity and prejudices of the West. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 27(2): 154-183 (in Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-154-183
Kara-Murza S.G. 2015. Rusofobiya Zapada [Russophobia of the West]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo*, 8(1): 6-14
Marks K. 1989. Razoblachenie diplomaticheskoi istorii XVIII veka [Exposing the diplomatic history of the XVIII century]. *Voprosy istorii*, 4: 3-19
Napso M. 2022. Some Aspects of Russophobia Issues (Part I). *Transbaikal State University Journal*. 28(8): 57-62. (in Russian). DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-8-57-62.
Nemenskii O.B. 2013. Rusofobiya kak ideologiya [Russophobia as an ideology]. *Voprosy nacionalizma*, 1(13): 26-65

- Nemenskii O.B. 2014. Rusofobiya: Analiticheskie obzory RISI [Russophobia: Analytical reviews of RISI]. Moscow, Publ. RISI, 48 p.
- Noimann I. 2004. Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei [Using the "Other": Images of the East in the formation of European Identities]. Moscow, Publ. Novoe izdatel'stvo, 336p.
- Rappoport A.V. 2019. Rusofobiya kak fenomen [Russophobia as a phenomenon]. *Evrazijskoe nauchnoe ob"edinenie*. 10-5 (56): 439-443
- Said E. 2021. Orientalizm [Orientalism]. Moscow, Publ. Muzej sovremennogo iskusstva Garazh, 560p.
- Filyushkin A.I. 2013. Izobretaya pervuyu voinu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov. [Inventing the First War of Russia and Europe: The Baltic Wars of the second Half of the XVI century through the eyes of contemporaries and descendants]. Saint-Petersburg, Publ. DMITRIJ BULANIN, 880 p.
- Shafarevich I.R. 2005. Rusofobiya [Russophobia]. Moscow, Publ. Eksmo, 94 p.
- Tsygankov A.P. 2009. Russophobia Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. New York, 240 p.
- Valle R. 2012. Genealogia della russofobia. Custine, Donoso Cortes e dispotismo russo [Genealogy of russophobia. Custine, Donoso Cortes and Russian despotism]. Roma, Publ. Lithos, 175 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.09.2023
Поступила после рецензирования 02.12.2023
Принята к публикации 30.05.2024

Received September 02, 2023
Revised December 02, 2023
Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Монина Наталья Петровна, заведующая кафедрой режиссуры и хореографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia P. Monina, Head of the Department of Directing and Choreography, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.